

сэра Ланселота, сэра Тристрама, сэра Ламорака или сэра Гавейна, все равно, сдается мне, я ни перед кем из них не оплошаю.

– Возможно, что и так, – отвечал карлик, – но только этот рыцарь преодолел все опасности на пути, убил Черного Рыцаря и еще двоих и победил в поединках Зеленого Рыцаря, Красного Рыцаря и Синего Рыцаря.

– Так, значит, он один из тех четверых, что я сейчас тебе назвал?

– Нет, – отвечал карлик, – но он – королевский сын.

– Как же его имя? – вопрошал Красный Рыцарь Красного Поля.

– Этого я вам не скажу, но сэр Кэй прозвал его в насмешку Бомейн Прекрасные Руки.

– Ну, мне нет дела до того, кто он таков, – промолвил рыцарь, – все равно я с ним скоро разделюсь, и, когда я его одолею, он погибнет позорной смертью, как и многие другие до него.

– Жаль, если это будет так, – сказал карлик, – и жаль, что вы ведете с благородными рыцарями столь постыдную войну.

15

А теперь мы оставляем этого рыцаря и карлика и поведем речь о Бомейне Прекрасные Руки, который всю ночь провел в хижине отшельника. На заре прослушали они с девицей Лионеттой обедню, утолили голод, сели на коней и поскакали через густой лес. Вот выезжают на равнину и видят, стоит там множество шатров и палаток и высится посреди прекрасный замок, а вокруг дым клубится и слышен великий шум. Подъезжают они поближе к осажденному замку, и видит сэр Бомейн, что вокруг на высоких деревьях висят повешенные рыцари в полном облачении, и щиты у них на шее, и мечи на поясе, и золоченые шпоры на пятках. Так висело там на позорище чуть не сорок рыцарей в полных доспехах. Упало сердце у сэра Бомейна, и спрашивает он:

– Что это значит?

– Добрый сэр, – отвечает девица, – не падайте духом, как ни ужасен этот вид, напротив того, мужайтесь, иначе мы погибли. Ведь все эти рыцари прибыли сюда к осажденному замку на выручку моей сестре даме Лионессе, но когда Красный Рыцарь Красного Поля одерживал над ними верх, он всякий раз казнил их этой позорной казнью без пощады. Таким же образом он поступит и с вами, если только вы не возьмете над ним верх.

– Упаси меня Иисусе, – сказал сэр Бомейн, – от столь низкой смерти и оружие мое от позора. Чем кончить так, уж лучше пасть в честном бою.

– Оно и лучше, – сказала девица. – Но смотрите не доверяйте ему, ему неизвестно благородство. У него в мыслях только убийства и позорные казни. А это жаль, – сказала девица, – ибо он муж собою видный и рыцарь предоблестный и ему принадлежат многие земли и богатые владения.

– Истинно, – сказал сэр Бомейн, – быть может, он и доблестный рыцарь, но он привержен к низким обычаям, и удивления достойно, что он так долго оставался невредим, просто ни одному из благородных рыцарей господина моего короля Артура не случилось с ним сразиться.

Поскакали они дальше и подъехали ко рву. Видят, высятся вдоль рвов крепкие стены, а под стенами расположились многие могучие бароны и кругом громко играют и поют менестрели. А с другой стороны ударяют в стены морские волны, а на них качаются корабли, и матросы громко кричат свое «Эгей! Тяни, подымай!».

И там поблизости росло дерево сикомора, а на нем висел рог, столь огромный, что им такого видеть не "случалось"; он был сделан из слоновой кости, и Рыцарь Красного Поля его там повесил для того, чтобы кто из странствующих рыцарей туда прибудет, в тот рог бы затрубил, и он тогда изготвится и выйдет с ним на поединок.

– Но молю вас, сэр, – сказала девица, – не трубите в этот рог раньше, чем настанет полдень, ибо сейчас еще утро и сила его возрастает, а в нем, говорят, силы на семерых.

– Ах, любезная девица, позор вам! Больше никогда не говорите мне таких речей, ибо, каким бы доблестным рыцарем он ни был, я не уступлю ему, даже когда он в самой силе, – либо завоюю себе чести в честном бою, либо же погибну на поле рыцарской смерти.

С тем пришпорил он коня, подскакал прямо к сикоморе и так сильно дунул в тот рог, что откликнулось, загудело и в замке, и в стане осаждающих. Из шатров и палаток повыскакивали во множестве рыцари, а те, кто находились в замке, стали выглядывать из-за стен и из окон.